

II.

ДИОНИСЪ

ВЪ ЛЕГЕНДѢ И КУЛЬТѢ.

Въ основѣ греческой религіи лежала тайна. Если и теперь тайна обступаетъ насъ отовсюду, то въ древности человѣкъ, конечно, чувствовалъ ее еще сильнѣе и, главное, непосредственнѣе. Она глядѣла на него съ чернаго неба, усыпаннаго звѣздами и изъ краснаго жерла вулкана; изъ волнъ морского прилива и изъ глазъ животнаго, — а неразлучные спутники человѣка: тѣнь, сонъ, болѣзнь, безуміе, смерть стояли передъ нимъ со своей назойливой загадкой, вызывая смутное предчувствіе божества.

Многъ и
культъ.

Двумя стремленіями всегда отзывался человѣкъ на обступающую его тайну: онъ или искалъ *приблизиться* къ божеству, слиться съ нимъ, или пытался *разгадать* тайну.

Первое стремленіе дало эллинамъ ихъ культъ, второе — миѳъ.

Младенческій умъ видѣлъ свое я во всемъ окружающемъ. Если для Гомеровскаго грека природа была во власти боговъ, которые отлились уже въ отчетливыя, почти художественныя формы, то сколько ступеней должно было пройти религіозное сознаніе, чтобы подняться на эту высоту!

Для старых обитателей Эллады, пелазговъ, природа была населена духами, демонами, безчисленными и ускользящими отъ опредѣленія: это были существа, которыя будто еще не успѣли отдѣлиться отъ создавшей ихъ темной и робкой души человѣка. Природа еще „говорила“ съ пелазгомъ; въ наслѣдье отъ этого стародавняго времени достались элинамъ оракулы и гаданья: „вѣщая“ земля Дельфъ и „пророческое“ дерево Додоны; сюда уходятъ корнями: и причудливый Панъ, и Главкъ, и Нереиды, черезъ которыхъ „вѣщало море“; и нимфы, и музы, которымъ суждено было потомъ обратиться въ блестящую свиту Олимпійцевъ; тутъ складывалась и основа для миѳовъ. Миѳъ — явленіе очень сложное: онъ создается постепенно и незамѣтно изъ умственной работы цѣлыхъ поколѣній: масса фантазій чертитъ причудливый узоръ картины, а мысли несчитанныхъ творцовъ миѳа, поправляя и вытѣсняя другъ друга, кое-какъ слаживаются и осмысливаютъ эту совокупную работу воображеній. Эпоха, національность, бытъ отражаются въ миѳѣ полусознательно. Какъ всякая немѣрная рѣчь, миѳы крайне неустойчивы; а какъ достояніе народовъ, еще не вышедшихъ изъ періода историческаго броженія, они легко дробятся, тасуются, мѣняютъ колоритъ.

Было два способа закрѣпить миѳъ: одинъ — жреческій, когда люди культа передѣлывали миѳъ въ своихъ цѣляхъ (напр. въ рѣчи Тиресія: *Vasch.*, 286—297); другой — эстетическій, когда поэты или артисты изображали миѳъ въ пѣснѣ, драмѣ, мраморѣ, краскахъ. Греческая миѳологія была рано закрѣпощена гениальной властью Гомера, и это несомнѣнно скрыло отъ насъ много любопытныхъ чертъ старины болѣе глубокой.

Въ поэзіи жизнь уже объектировалась — мы ее созерцаемъ; въ миѳѣ мы должны еще ее угадывать. Кто не признаетъ въ Зевсѣ поэмъ Гомера, этомъ отцѣ боговъ и людей, идеальный образъ греческаго родовладыки. Но сопоставьте съ

нимъ того Зевса, который зашиваетъ въ бедро имъ-же спасенный изъ пламени зародышъ Діониса. Развѣ такъ же легко открыть здѣсь отца, символически устанавливающаго свои права на ребенка*)?).

Неустойчивая форма дѣлала миѳъ явленіемъ прогрессивнымъ: его фантастическіе элементы создали и вскормили поэзію, а изъ логическихъ выросла философія и наука; любопытное соединеніе всѣхъ трехъ формъ человѣческаго сознанія находимъ мы во второй половинѣ VIII в., у Гезіода изъ Аскры: въ поэтической формѣ онъ далъ намъ цѣлую космологію, зерно философской системы, выросшее на почвѣ миѳовъ.

Если миѳъ имѣлъ склонность безконечно измѣняться и приспособляться къ высшимъ формамъ сознанія, то культъ, напротивъ, упорно держался старины: неразрывный съ обрядомъ, съ священной формулой, онъ не давалъ образу вытѣснять символъ, красотѣ покорять традицію.

Статуя Діониса, художественно сдѣланная Алькаменомъ изъ слоновой кости, не замѣнила въ таинственномъ Ленейскомъ святилищѣ стараго крашенаго идола. Аѳиняне наслаждались въ трагедіи зрѣлищемъ миѳа, профильтрованнаго софистами, а передъ началомъ представленія ихъ въ томъ же театрѣ обносили кусочками сыраго мяса, заставляя такимъ образомъ участвовать въ грубомъ культѣ Діониса хищника.

Гераклитъ находилъ, что говорить съ богами это тоже, что ждать отвѣта отъ стѣнъ домовъ, и это не помѣшало ему, какъ Кодриду, занимать и передать по наслѣдству почетную жреческую должность. Не смотря на совершенно различный характеръ легенды и культа, ихъ связывало у грековъ много нитей, и главной была, конечно, поэзія, которая черпала равно и изъ

*) Объ этомъ см. Voigt въ A. Lex. d. Myth. v. W. Roscher, 1046; Aesch. Eum. 183, 253: οὐκ ἔστι μήτηρ τοκεύς, τίχτει ὁ θρώσων.

культы, и изъ легенды: если силены и сатиры перенесены въ тіасъ Вакха прямо изъ сельскихъ хороводовъ по аттическимъ деревнямъ, то легенда легла въ основу чуть-ли не всей греческой трагедіи.

Оргіи въ
поэзіи.

Діонисъ не принадлежитъ всецѣло Элладѣ. Его легенды и культъ пестрой сѣтью тѣсно связали греческій міръ съ варварскимъ. Гомеръ еще не знаетъ ихъ, но мѣстами на нихъ лежитъ печать старины болѣе глубокой, чѣмъ Гомеровская. Характерно, что большая часть легендъ Діониса говоритъ объ установленіи культа и противникахъ бога, хотя ни одинъ греческій богъ не придалъ такъ много блеска поэзіи и искусству Эллады, т. е. національной славы грековъ.

Преданіе связываетъ древнѣйшій культъ Діониса съ оргіями. Слово *ὄργια* значитъ *дѣйствія* и указываетъ на *драматическій*, подражательный характеръ его старыхъ праздниковъ. Дѣйствія, освященныя религіей, связанныя съ мистическимъ представленіемъ о судьбѣ бога, тайныя и экстагическія — вотъ что называлось оргіями.

Экстазъ, искусственное возбужденіе, было не только драматическимъ воспроизведеніемъ безумія, которое насылалъ Діонисъ на своихъ ослушниковъ, — это было средство приблизиться къ богу, увидѣть его, слиться съ нимъ. Все въ старѣйшихъ оргіяхъ Діониса говорило объ экстазѣ: утомительныя пляски, круженіе (радѣнье), бѣгъ, дикія завыванія, опьяняющій шумъ флейтъ, кимваловъ и тимпановъ, одуряющее дѣй-

ствіе крови отъ раздираемыхъ и пожираемыхъ сырьемъ животныхъ, хмѣльные напитки (?); самая, одежда и весь вакхическій обрядъ, казалось, имѣлъ цѣлью вырвать человѣка изъ его обычной среды и сравнять, слить его съ природой — сырая ланья шкура на плечахъ, зелень плюща въ волосахъ, тирсъ, змѣи, вмѣсто повязки и пояса; а вокругъ — сырая зимняя ночь среди полного затишья лѣса на недоступной крутизнѣ, и дымные сосновые факелы.

Преданіе отдаетъ оргіи женщинамъ — вакханкамъ (безумнымъ), менадамъ (бѣшеннымъ), ленамъ (разрывающимъ) и заставляетъ ихъ плясать, призывая бога, на лѣсистыхъ склонахъ Тираійскаго Гемуса, на Олимпѣ, Киѳеронѣ, Парнассѣ.

Самое яркое изображеніе оргій далъ намъ въ концѣ V-го вѣка Эврипидъ въ своихъ „Вакханкахъ“; жрицы Діониса поставлены тамъ въ центрѣ пьесы, но поэтъ не былъ историкомъ и заботился болѣе о красотѣ своихъ картинъ, чѣмъ о точности въ передачѣ фактовъ. Факты приходится добывать изъ анализа поэзіи и художественныхъ памятниковъ, сопоставляя ихъ съ скудными свѣдѣніями, которыя сохранились у древнихъ историковъ (Геродота) и у позднѣйшихъ писателей (Павсанія, Плутарха, Страбона).

Вакхическія, горныя оргіа были въ Греціи и при Эврипидѣ и позже; оттуда онѣ перешли даже въ Италію, къ этрускамъ и римлянамъ; римскія матроны еще въ началѣ II вѣка античной эры съ горящими факелами и въ одеждѣ вакханокъ сбѣгали къ Тибру, а разнузданность служителей Вакха (*quos nihil nefas ducere* вызвала въ 186 году до Р. Хр. суровый декретъ сената, которымъ запрещались вакханаліи, какъ вредныя безпорядки (Т. Liv. XXXIX, 8—19).

У Плутарха *) сохранилось упоминаніе объ оргіяхъ въ Ма-

Оргіи въ историческомъ освѣщеніи.

*) Plut. Vit. Alex., 2.

кедоніи, и онъ рассказываетъ о матери великаго Александра, какъ страстной поклонницѣ бога.

Олимпіада еще дѣвушкой была посвящена въ древнѣйшія мистеріи, а замужнею ходила въ тіасъ (вакхическую дружину) и даже превосходила энтузіазмомъ всѣхъ окружающихъ — въ ней, по словамъ Плутарха, было больше варварскаго (βαρβαρικώτερον): она носила съ собой большихъ ручныхъ змѣй, и эти змѣи, выползая изъ мистической вѣялки *) или зелени плюща, обвивали вѣянки и тирсы женщинъ и пугали мужчинъ.

Въ Аѣинахъ и Дельфахъ, въ историческое время, были женщины, посвящавшія себя на служеніе Діонису: онѣ назывались тіадами и черезъ зиму справляли на лѣсистыхъ склонахъ Парнасса тріетериды **). Съ приближеніемъ зимняго солнцестоянія выступала въ путь изъ Аѣинъ на священную гору теорія ***) тіядъ (вѣроятно ихъ было не болѣе 20); на дорогѣ женщины съ пѣніемъ водили хороводы въ Панопеѣ, откуда впервые открывался имъ видъ на лѣсистую вершину Парнасса. На горѣ аѣинскія тіяды соединялись съ дельфійскими и вмѣстѣ съ ними (?) справляли вакхическій праздникъ; самые священные изъ обрядовъ совершались ночью и тайно: о содержаніи ихъ мы ничего не знаемъ; можетъ быть, это было экстатическое призываніе бога и кровавая жертва.

Номы гимновъ, ритмъ и фигуры плясокъ были освящены культомъ и оставляли немного простора для личнаго энтузіазма. Обрядъ и одежда тоже опредѣлялись ритуаломъ: это были — небрида, тирсъ, палка въ ростъ человѣка, густо увитая плющомъ и снабженная на заостренномъ концѣ шишкой

*) Легендарная колыбель Діониса, символъ очищенія воздухомъ.

**) Этотъ характерный признакъ вакхическаго служенія, т. е. пропускъ одной зимы, распространился по всей Греціи (Diod. IV, 3): тріетериды были въ Элидѣ, Аргосѣ, Мегарахъ.

***) Священное посольство, паломничество.

какого-то хвойнаго дерева *), зелень плюща и винограда въ распущенныхъ волосахъ и босыя ноги.

До насъ дошелъ одинъ изъ обрядовыхъ гимновъ Діониса. Въ Элидѣ, во время тріетеридъ жрицы Вакха (числомъ 16), празднуя явленіе бога, призывали его въ свой храмъ; онѣ называли Діониса „героемъ“ и славили вмѣстѣ съ Харитами, приглашая „дорогого быка“ (любимый символъ Діониса въ фаунѣ, эмблема плодородія) вступить къ нимъ „раздвоеннымъ копытомъ“ (Βρέφ ποδί **).

Среди греческихъ тріетеридъ были нѣкоторыя съ слѣдами очень грубаго драматизма. Такъ на Агріоніяхъ (чествованіе Дикаго Діониса) въ Орхоменѣ бэотійскомъ жрецъ съ мечомъ на-голо гнался за жрицами Діониса (Миніадами) и могъ убить пойманную***). Впрочемъ со временемъ обрядъ сталъ чисто символическимъ ****).

Драматической основой обычая на Агріоніяхъ было *искаженіе* Діониса, какъ на Парнасѣ и въ Элидѣ его *призываніе*; а бѣгъ, можетъ быть, являлся первоначально такимъ-же экстатическимъ средствомъ, какъ и пляска. Превосходныя изображенія экстаческаго бѣга читатель найдетъ въ „Вакханкахъ“ Эврипида (Vasch. 145—167; 748—759; 1090—1094). Мало по малу экстазъ смягчается и вытѣсняется мимическимъ символизмомъ, но къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ объ этомъ важномъ элементѣ оргій.

Въ греческой жизни классическаго періода было мало данныхъ для развитія экстатическихъ оргій. Общинный строй накладывалъ тяжелую руку и на семью, и на религію. Жизнь гре-

*) Вѣроятно, пшты.

**) Plut. Quaest. gr., 36; Bergk. Anthol. carm. popul. 6; A. Rapp. Die Mänade etc. Rhein Mus., 1872, 27 B., 4—22.

***) Plut. Quaest. gr. 38.

****) Агріоніи были еще въ Оивахъ и въ Аргосѣ (Hesych. s. v.).

ческой женщины была строго замкнутая: ночью она не выходила изъ дому, и за ея поведеніемъ слѣдилъ не только мужъ, но и особые блюстители — гинеконы; при такихъ условіяхъ нельзя, конечно, и а priori допустить, чтобы гречанки убѣгали по ночамъ на горы, и тамъ однѣ совершали таинственныя оргіи. Нѣтъ, триетериды были въ Греціи удѣломъ избранныхъ.

Но если картина служенія обрядовыхъ жрицъ расцвѣчивалась жаднымъ воображеніемъ гречанокъ, которымъ не удавалось ее видѣть, то преданіе объ исконной экзатичности оргій покоилось, конечно, не только на этомъ. Откуда же взялись все эти прозвища „безумныхъ“, „бѣшенныхъ“, „разрывающихъ“? Откуда въ культъ вошли небрида, и ночь, и гора, и лѣсъ?

Все это — исконное достояніе оракійцевъ, а слѣды этого народа можно открыть во всехъ гнѣздахъ старѣйшаго культа Діониса: и въ Беотіи, и на Наксосѣ, и въ Дельфахъ, не говоря уже о Македоніи.

Оракія.

Легендарная „Оракія аэдовъ“ захватывала и окружье Олимпа — Піерію, и Киѳеронъ съ его областью, и Парнассъ съ Фокидой. Въ Македоніи оракійскій культъ Вакха долго сохранялъ свой яркій экзатическій характеръ, и она-то, конечно, и дала хорамъ Эврипида ихъ живой лиризмъ, а картинамъ эти свѣжія краски.

Оракійцы не имѣли своей письменности, и между тѣмъ въ религіи этого загадочнаго народа искони жила высокая религіозная истина — вѣра въ безсмертіе души. Умереть для оракійцевъ значило уйти къ Залмоксису и, погребая мертваго, они радовались, что братъ ихъ избавился наконецъ отъ всехъ золъ жизни *). Ресъ (ps. Eur. Rhes., 968 sqq.) не умеръ; какъ „пророкъ Діониса“ онъ присужденъ вѣчно сторожить въ пещерахъ золотыя сокровища Пангея. Изъ Оракіи выводитъ

*) Her. IV, 95; V, 4.

легенда и волшебнаго музыканта Орфея, чтобы онъ далъ потомъ свое имя мистеріямъ. Если орфическія таинства развили высокую идею о безсмертіи души, то въ оргіяхъ Вакха отразились двѣ мѣстныхъ народныхъ черты: вѣщій экстазъ и горный дико-охотничій бытъ; не даромъ-же на склонахъ эракійскаго Пангея совершилась первая кровавая жертва Діонису — былъ растерзанъ Ликургъ *), и тамъ же пріютилось древнѣйшее святилище Діониса Вѣщаго (Eur. Нес. 1267).

Самый типъ мѣнады слилъ въ себѣ черты вѣщей экстатической жрицы и амазонки. Сквозь черты женщины, обвѣянной широкими складками длиннаго пеплоса, съ бубномъ или тирсомъ въ рукѣ проглядываетъ (въ живописи) другой древнѣйшій образъ: дѣвушка, одѣтая въ короткій хитонъ, обутая по охотничьи и съ копьемъ въ рукѣ. Въ дружину Вакха эта мѣнада — амазонка пришла изъ культа Артемиды - Котиттó, широко распространеннаго между Эракійцами и по оргіямъ близкаго къ вакхическому.

Мѣнада — амазонка.

Въ „Вакханкахъ“ Эврипида еще видны черты амазонокъ: 1) между ними есть дѣвушки (Vasch., 694); 2) охота ихъ любимое занятіе, и сами онѣ рыщутъ по горнымъ лощинамъ за ланью, а Діонисъ готовъ при случаѣ обратить ихъ въ настоящее войско (Vasch., 52); 3) вакханки Эврипида избѣгаютъ мужчинъ.

Но экстатической типъ мѣнады, благодаря своимъ пластическимъ эффектамъ, скоро совсѣмъ заслонилъ дѣвственный обликъ амазонки; фантазію артистовъ властно плѣняла красота пляски среди легкихъ складокъ пеплоса, мелканье бѣлыхъ ногъ, полуоткрытыя уста, шея, отданная росистому дыханію ночи, и бѣлая рука поднявшія бубень надъ головой, и плющъ въ распущенныхъ волосахъ **).

*) Apollod. III, 5, 4 (у А. Rapp'a. Die Bez. d. Dionysosk. etc 1882, 5).

**) А. Rapp. Die Bez. d. Dionysosk. zu Thr. Stuttgart, 24 ff.

Вино.

Роль вина въ вакхическомъ экстазѣ намъ не совсѣмъ ясна. У Эврипида вѣстникъ рассказываетъ Пентею, что нашелъ мѣнадъ трезвыми и скромными *). Да и вообще вино легче себѣ представить на пировомъ столѣ, чѣмъ на лѣсистой полянѣ, зимней ночью. Трудно вообразить себѣ даже, какъ могли женщины принести на вершину горы эти тяжелые сосуды, когда сами онѣ съ трудомъ туда пробирались **). Виноградный культъ Діониса принадлежитъ Атикѣ и островамъ, а не Оракіи; у оракійцевъ былъ свой хмѣльной напитокъ — пиво (сабайонъ), и если лоза росла у нихъ въ дикомъ видѣ, и эдонянки украшались ея зеленью, то винодѣлію научили ихъ греки.

Кровь.

Но въ оракійскомъ культѣ Вакха была другая красная влага — кровь. Оттуда шли легенды объ Орфеѣ, разорванномъ мѣнадами — амазонками, о Ликургѣ, разорванномъ лошадьми; тоже вліяніе отразилось, конечно, въ мифахъ о Гиппасѣ, Пентеѣ, Актѣонѣ и наконецъ нашло поздній отзвукъ въ легендѣ о смерти Эврипида.

Даже въ античномъ искусствѣ сохранились слѣды кроваваго культа. Если въ IV в. Скопадъ не побоялся дать своей изящной мѣнадѣ въ одну руку кусокъ мяса, а въ другую мечъ, то на одной античной вазѣ британскаго музея***) изображенъ былъ самъ Діонисъ, разрывающій козленка. На пожираніе сырого мяса памятники искусства конечно указывать не могутъ, за то оно сохранилось въ обрядѣ****) (омофагія), а Эврипидъ заставляеть своего Діониса „жаждать услады хищника и гоняться за свѣжей козлиною кровью“.

До насъ дошелъ одинъ интересный вариантъ легенды о Пен-

*) Bacch., 683—688.

**) A. Rapp. Die Mänade etc. Rhein. Mus. 1872, 22; Plutarch. de primo frigido, 18.

***) Panofka, Musée Blacas. pl. XIII; у Dar. ef S. s. v, Dionysia, № 2420,

****) Voigt у W. Roscher, A. Lex., 1037—8.

теѣ: Діонисъ, желая наказать гордаго ѳиванца, обращаетъ его въ быка, а мѣнадъ въ пантеръ, и онѣ истребляютъ нечестивца *). Слѣды кровавыхъ и даже человѣческихъ жертвъ въ культѣ Діониса сохранились мѣстами въ Бѳотіи, въ Пелопоннесѣ, на Хіосѣ, Лесбосѣ, Тенедосѣ и на Критѣ, но трудно сказать, по сколько проявилось въ этомъ вліяніе ѳракійцевъ.

Музыка флейтъ, бубна и литавровъ вошла въ оргіи грековъ Музыка. черезъ ѳракію, хотя ея настоящая родина Фригія. Хотя фригійцы и составляли нѣкогда одно племя съ ѳракійцами, у нихъ былъ свой Діонисъ-Сабазій; его культъ сливался съ оргіями Кибелы (у Эврипида, Реи — матери) и образъ, создавшійся подъ вліяніемъ семитовъ, соединялъ грубыя черты съ чувственностью.

Жрецы Кибелы — Корибанты, эти дервиши древняго міра, у Эврипида смѣшиваются съ Куретами, жрецами Реи, которые нѣкогда игрою на бубнѣ развлекали въ пещерахъ Крита малютку Зевса.

Намъ остается разсмотрѣть еще одну ѳракійскую черту въ вѣщій даръ. образъ Діониса — его вѣщій даръ.

Въ „Вакханкахъ“ Эврипида есть четыре очень характерныхъ строки:

Нашъ Діонисъ — и вѣщій богъ. Есть даръ

Пророчества въ вакхическомъ безумьѣ,

И если въ тѣло властно вступитъ богъ, —

Уста безумцевъ исполняются вѣщаній (Vasch., 298—301).

Тутъ интересенъ не только вакхическій даръ, но и способъ его передачи людямъ: „богъ вступаетъ въ тѣло человѣка“ — черта принадлежитъ, очевидно, не эпохѣ политеизма, а уходитъ глубже. Вакхъ еще духъ, демонъ, сила не отлившаяся въ отчетливую художественную форму. Можетъ быть, именно въ вѣщаніи и угадываніи, и надо искать внутренняго смысла вакхи-

*) Orpian. Syneg. 4, 304.

ческаго экстаза (*divinatio per furorem*). Общеніе челоуѣка съ божествомъ на почвѣ гаданій есть самое исконное и самое естественное; не даромъ же оно переноситъ насъ къ той стадіи религіозной жизни, когда челоуѣкъ не умѣлъ еще ясно отдѣлать своей души отъ природы. Въ экстазѣ, особенно на его высшей ступени въ „одержимости“, челоуѣкъ становится вещью, „средой“, чрезъ которую проходитъ „голосъ земли“: если волю божества думали узнать, проводя ночь на могилѣ, въ храмѣ, подъ священнымъ деревомъ или въ пещерѣ, то лучше всего „вѣщала земля“ чрезъ экстатическую пивію, когда дышала на эту больную женщину своими одуряющими парами. Пивіа была мѣнада *), и чрезъ нее людямъ говорилъ голосъ земли, можетъ быть первоначальный Вакхъ. Не даромъ этотъ богъ — сынъ Семелы — земли **) и окружается съ рожденія вѣщими женщинами; мѣнады, іады, нимфы, тїяды и музы, конечно, возникли въ фантазіи грековъ ранѣе, чѣмъ Дїонисъ покинулъ земныя нѣдра и принялъ видъ бога, чтобы занять свое мѣсто на Олимпѣ. Въ Дельфахъ Дїонисъ задолго предшествовалъ Аполлону, и упорно оставался жить рядомъ съ новымъ царемъ: пѣанъ съ диѳирамбомъ подѣлили дельфійскій годъ, а могила Дїониса (характерна эта могила „демона земли“, который послѣ родится въ Оивахъ какъ богъ) помѣстилась въ центрѣ святилища, рядомъ съ статуей Аполлона.

Посейдонъ и Аполлонъ были вторымъ поколѣніемъ дельфійцевъ, и въ нихъ уже не оставалось старой вдохновенной силы. Культъ Посейдона заслонилъ и Теѣиду, и Главка, и Нерейдъ, черезъ которыхъ говорило море; у дорическаго Аполлона тоже нѣтъ вѣщихъ слугъ: его жрецы только „предупреждающіе“, „толкователи“ (*προφῆται*); самыя музы въ лучахъ Фебова

*) Dar. ez. S. Dict., s. v. *Divinatio*.

**) Σε-μῆλη-θε-μῆλη; родственно съ нимъ земля; см. Dar. ef. S. s. v. *Vacchus*, 600; Voigt y. W. Roscher A. Lex., 1047.

солнца утратили свой исконный даръ прорицанія, а стрѣлы бога не приносили вдохновеннаго безумія, какъ тирсь Діониса, — онѣ только убивали *).

Перейдемъ въ циклъ легендъ Діониса „бога и героя“.

Легенда о
рожденіи
Діониса.

Мифъ о рожденіи Діониса, приуроченный къ Фивамъ, передается такъ:

Зевсъ любитъ Семелу, дочь Кадма, царя и основателя Фивъ. Гера, желая погубить свою соперницу и плодъ новаго брака, принимаетъ видъ Семелиной кормилицы, Берои, и убѣждаетъ царевну просить Зевса, чтобы онъ явился къ ней во всей своей мощи и славѣ Громовержца. Богъ склонился на просьбы, но смертная не вынесла блеска молній и ужаса грозы: явивъ на свѣтъ недоношеннаго младенца, она умерла, — и молнія ее испепелила, оставивъ на капищѣ курящіяся обломки брачнаго чертога; ихъ скрытое, всегда готовое вспыхнуть пламя Эврипидъ устами самого бога назвалъ „безсмертной злобой Геры“ (Vasch., 9).

Зародышъ Діониса спасенъ отцомъ изъ пламени; ребенка скрылъ плющъ, который при этомъ выросъ изъ земли и обвилъ уцѣлѣвшія части колоннъ чертога. Зевсъ принялъ свое рожденіе въ свое же тѣло и, зашивъ его въ бедра, доносилъ до полнаго срока утробной жизни. Онъ родилъ рогатаго бога, Діониса-Диѳирамба, а крылатая нимфа Илитія приняла его у отца боговъ; затѣмъ ребенка передали Гермесу, который унесъ его на божественную Нису, а тамъ нимфы вскормили и взростили новаго бога.

Съ чудными косами нимфы отъ Зевса отца и владыки Вакха на лоно принявъ кормили ребенка прилежно,

Діонисъ ре-
бенокъ.

*) Dar. et S. s. v. Divinatio.

Тамъ по ложбинамъ на Нисѣ, и волей отца возрасталь онъ
 Въ благоуханной пещерѣ, безсмертнымъ богамъ сопричтенный.
 Послѣ-жъ, когда откормили на славу ребенка богини,
 Сталь онъ по зарослямъ лѣса разгуливать: шель впереди онъ,
 Плющемъ и лавромъ густо увѣнчанъ; кормилицы слѣдомъ
 Въ чащу вступали, — и шумъ поднимался въ лѣсу необъятномъ.
 (Hymn. Nomer.; XXV, in Vaschum, 3 a. f.) *)

Этотъ „дважды рожденный“ питомецъ нимфъ не расста-
 вался потомъ съ своей дружиной, и очень скоро его пребываніе
 на землѣ стало славной жизнью тріумфатора; злоба Геры надъ
 гробомъ смертной матери не посмѣла касаться сына, „выношен-
 наго Зевсомъ“. Интересна одна черта въ послѣдней легендѣ—
 это шумъ, который поднимается въ лѣсу, когда туда вступаетъ
 маленькій Діонисъ со своей свитой. Отзвукъ этого шума остался
 въ дикой музыкѣ оргій, а прозвище Вакха, Бромій—Громозвуч-
 ный, одно изъ самыхъ распространенныхъ.

Загрей.

Въ общемъ легенда нѣсколько освѣщаетъ намъ женскіе
 праздники на лѣсистыхъ вершинахъ, но не даетъ еще ключа
 къ объясненію таинственнаго и кроваваго культа Діониса. Мо-
 жетъ быть, самое имя дважды рожденнаго (диссотокъ, диѳи-
 рамбъ) указываетъ на то, что ѳиванскій Діонисъ былъ однимъ
 изъ двухъ божественныхъ Діонисовъ, вторымъ. Древнѣйшій
 отголосокъ легенды о первомъ Діонисѣ сохранился на Критѣ,
 откуда Загрей (критскій Діонисъ) перешель къ Орфикамъ. Ха-
 рактеръ легенды — ѳракійскій. Загрей — ребенокъ**), сынъ Зевса
 и Персефоны. Козни Геры въ отсутствіе Громовержца отдали
 его на растерзаніе титанамъ, и они разнесли Зевсова сына по
 кусочкамъ; только сердце сберегла Аѳина и передала Зевсу.

*) Переведенъ мною и напечатанъ впервые.

**) Слово Загрей—Великій ловець, стало однимъ изъ мистическихъ
 именъ Діониса, какъ бога мертвыхъ.

Одинъ вариантъ легенды заставляетъ Кронида дать его потомъ выпить Семелѣ, чтобы оно перешло во второго Діониса *).

Терзаніе божественнаго ребенка и его возрожденіе въ новаго прекраснаго бога стало позже предметомъ орфическихъ мистерій. Но оно же проливаетъ свѣтъ и на кровавыя жертвы вакхическихъ оргій, и на способъ наказаній, которыя налагалъ самъ Діонисъ на нечестивцевъ.

Подобно еиванцамъ, критяне праздновали память своего Діониса — Загрея тріетеріями: они зубами рвали сырое мясо быка, приводили себя въ искусственное возбужденіе и подъ музыку флейтъ и кимваловъ торжественно носили ящикъ съ сердцемъ Загрея **).

Хищный культъ Діониса такимъ образомъ не одно только проявленіе грубыхъ охотничьихъ нравовъ: онъ связанъ съ легендой о страданіи, перерожденіи и новомъ появленіи бога: поклонники старались экстазомъ и драмой приблизиться къ Загрею и воспроизводили его страданія сначала въ грубой формѣ, потомъ символически.

Обще-эллинскій Діонисъ лучше всего извѣстенъ намъ по легендамъ объ установленіи культа и наказаніи его противниковъ. На первомъ планѣ поставили мы здѣсь миѣ о Діонисъ-юношѣ, гдѣ, противъ обыкновенія, богъ является одинъ, безъ тіаса. Миѣ дошелъ до насъ въ одномъ изъ гимновъ Гомеровской коллекціи ***).

Я буду пѣть Діониса, сына славной Семелы,
Какъ на мысѣ открытомъ, на брегѣ безплоднаго моря,
Разъ онъ явился, подобный юношѣ въ самомъ разцвѣтѣ

*) Hygin. fab., 157.

**) Въ легендѣ есть много чертъ наносныхъ, она приведена въ поздней редакціи у I. Firm. Mat. De error. prof. relig., ex rec. S. Burg. 1856; с. 6; см. Lobesk. Aglaoph., 570.

***) Печатается первый разъ въ моемъ переводѣ.

Силь молодыхъ и кудри чудныя съ синимъ отливомъ
Встряхиваль онъ, а плечи могучія были одѣты
Пурпурнымъ фаросомъ. Быстро по искристымъ волнамъ въ то
время
Къ мысу шель крѣпкій корабль—злой рокъ подгоняль морехо-
довъ.

Это тирренскіе были пираты: добычу завидя
Только кивнули другъ другу,—и на берегъ прынули, тотчасъ
Юношу, въ сердцѣ ликуя, на судно свое посадили;
Думая: „вѣрно царемъ онъ рожденъ Зевеса питомцемъ“
Крѣпкими узами тотчасъ связать порѣшили добычу.
Но не держались оковы—онъ отлетали далеко,
Руки и ноги ему не тѣсня, а синія очи
Только смѣялись. Одинъ рулевой почувалъ и тотчасъ
Онъ, увѣщая пиратовъ, слова обратилъ къ нимъ и молвилъ:
„Кто этотъ богъ полномощный, котораго здѣсь вы стремитесь,
Глушые, въ узахъ держать? Корабль его крѣпкій не сносить.
Кто это? Зевсъ? Аполлонъ сребролукій? Иль бурной пучины
Мощный владыка? На смертныхъ людей онъ совсѣмъ не походитъ.
Выпустимъ лучше его съ корабля на черную землю!
Нѣтъ, моряки, не касайтесь добычи, чтобъ плѣнникъ, разгнѣванъ,
Тяжкіе вѣтры на насъ не воздвигъ, и грозную бурю“.
Такъ говорилъ онъ; ему же сурово отвѣтилъ начальникъ:
„Ты, безумецъ, бы лучше слѣдилъ за вѣтромъ, да парусъ
Поднялъ на мачту, да снасть изготовилъ, а съ юношей этимъ
Мужи управятся сами. Въ Египтѣ пристанемъ, на Кипрѣ-ль,
Или въ загорномъ краю мы будемъ зимой, я надѣюсь:
Плѣнникъ друзей дамъ своихъ назоветъ наконецъ и укажетъ,
Гдѣ его домъ и родные: самъ богъ даровалъ намъ добычу“.
Такъ онъ сказалъ: и мачта встаетъ, и парусъ раскрылся;
Вздупась отъ вѣтра средина его; они распустили
Возлѣ еще паруса. И тутъ чудеса начался.

Вдругъ на быстрый и черный корабль волной ароматной
Хлынула сладкая Вакхова влага, и чудный повсюду
Запахъ пошелъ отъ вина. И дивясь сидѣли пираты.
Смотрять: по парусу слѣдомъ и зелень лозы виноградной
Внизъ потянулась, и парусъ покрылся, и гроздья повисли.
Темною зеленью плющъ поползъ, разцвѣтая на мачту.
Плодъ показался на немъ, и листьями снасти вѣнчались.
Къ берегу править тогда мореходы велятъ, и внезапно
Страшный на палубѣ левъ появился съ зловѣщимъ рычаньемъ.
Слѣдомъ среди моряковъ медвѣдица съ шеей косматой
Лютая вдругъ поднялась, и ярость ее наполняла,
Левъ же недвижно стоялъ, лишь грозно глядѣлъ исподлобья.
Въ ужасѣ прынули тутъ мореходы къ кормѣ и столпились
Возлѣ разумнаго. Левъ тогда прынулъ въ толпу и съ размаху
Старшаго выхватилъ. Въ мигъ, погибель увидя пираты,
Въ волны блестящія моря бросаться пошли, и дельфиномъ
Дѣлался каждый пиратъ, а кормчаго сильный не тронулъ,
Много имѣнья ему подарилъ и слово прибавилъ:
„Нынѣ дерзай, о божественный кормчій: душѣ моей милъ ты.
„Я—Діонисъ Громозвучный, дочь Кадма Семела отъ Зевса,
„Съ нимъ сочетавшись любовно, меня родила. Ободрися!“

Здравствуй, рожденный Семелой, красивыми славной глазами!
Пусть сладкозвучной мнѣ пѣсни не пѣть, коль тебя я забуду.
(Hom. et homerid. hymn. vel. exord., VI, in Bacchum, ed Firm.
Didot 566—7).

Въ этомъ гимнѣ отразился миѣ о Діонисѣ, одаренномъ силой превращеній*), и чрезвычайно ярко въ этой обширной и живой зелени сказался одинъ изъ символовъ божественной силы

*) Магаффи остроумно отмѣтилъ по этому поводу связь между Аріономъ и культомъ Діониса и сравнилъ дельфиновъ съ хоромъ сатировъ (Ист. кл. пер. греч. лит. I, 183).

Вакха — Перикіонія *) (обвивающаго колонны). Діонисъ еще не устанавливаетъ здѣсь своего культа и не сводитъ пиратовъ съ ума, но онъ уже ждетъ отъ нихъ признанія своей силы и для этого заставляетъ дерзкихъ притѣснителей испытать сначала удивленіе, потомъ страхъ и наконецъ панической ужасъ.

Характерная черта Діонисовой кары, впрочемъ, видна уже и здѣсь: этотъ богъ наказываетъ человѣка за личный проступокъ, а не за наслѣдственное пятно.

Но вотъ Діонисъ — установитель культа.

Легенды объ
установленіи
культа.

Одна легенда говоритъ о дочеряхъ Минія Орхоменскаго. Эти женщины отказались чтить Діониса оргіями и даже порицали другихъ за участіе въ неприличномъ бѣснованіи. Діонисъ, принявъ видъ дѣвушки, пробуетъ уговорить ихъ пойти на вакханалію, но это не удается, и тогда онъ то въ видѣ быка, то въ видѣ льва, то обернувшись пантерой, пугаетъ женщинъ; изъ ихъ станковъ струится къ нему на встрѣчу нектаръ и молоко, — и испуганныя Миніады наконецъ совсѣмъ теряютъ голову: онѣ рѣшаются даже пожертвовать Діонису ребенка и, когда жребій указываетъ на Левкиппу, она вмѣстѣ съ сестрами разрываетъ въ честь Діониса своего сына Гиппаса. Потомъ всѣ три сестры идутъ въ горы на оргію, и тамъ Гермесъ превращаетъ ихъ: одну въ летучую мышь, другую въ сову, третью въ филина *).

Другая легенда — Аргосская.

Дочери Пройта **) тоже не хотятъ признавать оргій Вакха; за это богъ сводитъ ихъ съ ума, и воображая себя ко-
ровами, онѣ съ мычаньемъ бродятъ по странѣ, пока наконецъ жрецъ Діониса, Мелампъ, не беретъ ихъ исцѣлить: съ гимнами и мистическими плясками преслѣдуетъ онъ Пройтиды до Си-

*) Anton. Liber., 10; ср. Aelian. Var. hist. 3, 42.

**) Ихъ три, какъ три Миніады и три вакхическихъ хоровода на Киперонѣ — это отмѣтилъ Voigt: W. H. Rosch. A. Lex. s. v.

кіона, и по дорогѣ одна изъ нихъ умираетъ отъ утомленія, а другихъ догнавъ онъ исцѣляетъ. Къ этому мѣсту *) подходитъ праздникъ Агріоній, съ его бѣшеннымъ бѣгомъ и кровавой жертвой.

Въ только что названныхъ легендахъ Діонисъ безусловно торжествуетъ надъ врагомъ, дѣлая непокорныхъ безумными. Но есть другая, гдѣ онъ ранѣе терпитъ отъ врага, а потомъ уже торжествуетъ. Это мѣсто о царѣ эдонянъ (ѳракійцевъ), Ликургѣ. Когда Діонисъ былъ еще ребенкомъ и разгуливалъ съ нимфами по нисейскимъ склонамъ, Ликургъ, сынъ Дріанта, бросился на эту толпу со своей двойной сѣкирой. Испуганный ребенокъ прыгнулъ въ море, гдѣ его пріютила Тетида. Зевсъ же наказалъ свирѣпаго ѳракійца слѣпотою, и боги вскорѣ послѣ этого погубили Ликурга. Такова старѣйшая версія легенды у Гомера **). Въ другихъ вариантахъ Діонисъ мститъ Ликургу самъ: въ пьяномъ безуміи ѳракіецъ посягаетъ на кровосмѣшеніе, и тронутый стрекаломъ бога, убиваетъ жену и сына, а потомъ самъ себѣ рубитъ ногу, принявъ ее за виноградную лозу ***). Продолженіе беремъ изъ Аполлодора ****): когда Ликургъ послѣ всѣхъ неистовствъ, наконецъ приходитъ въ себя, онъ видитъ, что его страна томится отъ полного неурожая. Оракуль объясняетъ, что только смерть царя освободитъ ее отъ этого тяжкаго безплодія, — тогда эдоняне оставляютъ Ликурга на Пангеѣ связаннымъ, и Діонисъ отдаетъ его на растерзаніе лошадямъ.

Смерть Ликурга чрезвычайно разнообразится въ легендахъ: его дѣлаютъ самоубійцей или сбрасываютъ со скалы; его разрываютъ лошади, пантеры, львы; его пытаются, ослѣпляютъ,

*) Apollod. II, 4, 1; Diod. Sic. IV, 68; Herod. IX, 34.

**) Z 130 sqq.

***) Hyg. fab. 132.

****) III, 5, 1.

даже распинаютъ. У Діониса нѣтъ болѣе излюбленной жертвы, мести болѣе яркой. Не даромъ она вдохновила мрачный геній Эхила. Большинству изслѣдователей кажется, впрочемъ, что если взглянуть въ самый миѳъ, то эта жестокость бога будетъ ужасать не болѣе, чѣмъ расправа весеннихъ лучей со снѣгомъ. Въ роднѣ Ликурга—Борей; его отецъ и его сынъ—оба Дріанты. Итакъ „Волкодавъ“ сынъ „Дубравнаго“ считаетъ своимъ предкомъ „Горный Вѣтеръ“. Въ этомъ врагъ Діониса сказала дикая, суровая сила зимы. Въ началѣ Ликургъ побѣждаетъ еще слабаго бога весенней природы и полонитъ его тиасъ, нарядную, веселую и поющую свиту, но со временемъ злорадства Ликурга сама себя исчерпываетъ, какъ съ приближеніемъ лѣта становится безсильной ярость холоднаго вѣтра. Ликургъ гибнетъ, а въ мірѣ воцаряется Діонисъ съ хороводомъ весеннихъ дней, и шумомъ, и блескомъ.

Можно развить нѣсколько такихъ же параллелей къ легендамъ Діониса, напр. къ миѳу о его двойномъ рожденіи, но я предоставляю это остроумію моихъ читателей.

Вообще нельзя придавать особой цѣны параллелямъ между миѳомъ и природнымъ явленіемъ. Явленія природы неизмѣнны и однообразны, а миѳы—измѣнчивые, неуловимые призраки, загадочныя отраженія народной души подъ всевозможными углами зрѣнія.

Фиванскій царь Пенфей — другая прославленная жертва Діониса. Это его двоюродный братъ, по матери, сынъ Агавы и внукъ Кадма. Онъ не хочетъ допускать въ свою землю новаго культа и смотритъ на оргіи, какъ на разгулъ и безпорядокъ. Самъ Діонисъ, котораго онъ не узнаетъ въ человѣкѣ, принесшемъ въ Фивы новый культъ, послѣ ряда предостереженій и угрозъ (можетъ быть, только въ драмѣ? *) заманиваетъ его

*) Ср. гипотезу (основаніе трагедіи), напечатанную передъ текстомъ «Вакханокъ».

на Киберонъ, и тамъ, попавъ въ руки еиванокъ, Пентей разорванъ этими новыми мѣнадами, съ царицей-матерью во главѣ.

Агава и двѣ ея сестры, Ино и Автоноя, напоминаютъ дочерей Минія; только здѣсь въ основѣ лежитъ зависть матерей и женъ смертныхъ къ женѣ и матери боговъ, и Пентей — уже не пожертвованный богу ребенокъ, какъ Гиппась, а самостоятельный врагъ Діониса, цѣлый герой трагедіи.

Итакъ Діонисъ насылалъ на смертныхъ безуміе, которое губило ихъ или дѣлало глубоко несчастными, заставляя убивать близкихъ людей. Если Олимпійцы поражали людей, то Діонисъ одурачивалъ ихъ, издѣвался надъ ними, выворачивалъ ихъ наизнанку, и въ этомъ заключалась трагическая сила его легенды. Самое освобожденіе отъ этого насланнаго безумія было глубоко трагичнымъ, и Агава, очнувшаяся отъ своего горделиваго безумія съ страшною ношею въ рукахъ, ужасала зрителей не менѣе, чѣмъ Гераклъ или Эдипъ.

Но и въ легендѣ и въ искусствѣ Діонисъ рѣдко появляется Тіасъ Діониса. безъ кортежа. Кормилицы-нимфы, вотъ — его первыя спутницы; потомъ эта горсть спутницъ выросла въ цѣлую блестящую свиту, прославленный античною живописью — тіасъ.

Я уже говорилъ о мѣнадахъ съ тирсами, съ бубномъ и плющомъ или змѣями въ волосахъ. Живыя вакханки въ своихъ хороводахъ и мистеріяхъ прятались отъ мужчинъ, но въ божественномъ тіасѣ, который носился по заоблачнымъ вершинамъ за золотымъ тирсомъ самого бога, имъ приходилось быть вмѣстѣ съ *сатирами*. Эти полу-люди съ козьимъ хвостомъ и лошадиными ушами, пьяницы и лакомки, страстные музыканты и неутомимые танцоры, составляли самый пестрый, живой и веселый элементъ тіаса. Въ ихъ кругу шелъ и Панъ, изобрѣтатель свирѣли, и Силенъ, фригійскій богъ потоковъ (легенда множила и Пановъ, и Силеновъ).

Всѣ олицетворенія богатыхъ силъ природы мелькали въ

тіасѣ бога: Эросъ, Деметра, Афродита, Кибела; но больше всего представителей въ немъ имѣли вино и поэзія, какъ символы Діониса — благодѣтеля и триумфатора. Ойнось (вино) пляшетъ съ зажженнымъ факеломъ. Румяный мальчикъ Ойнопій наливаетъ богу его божественнаго питья. Тутъ и Акратосъ (чистое вино) и Гедіойнось (сладкое вино), и ребенокъ Комъ (праздничный шумъ) и рядъ красивыхъ нимфъ — Ойнанта (лоза въ цвѣту), Мѣта (опьяненіе) и Диноноя (головокруженіе). Тутъ и Нѣжная Мелодія, Веселая Пѣсня и Шумная Пѣсня и Хоръ. Легенда даетъ Діонису въ томъ же тіасѣ три прекрасныхъ подруги: Мету, Хариту и Ирѣну, т. е. Опьяненіе, Прелесть и Миръ. Когда свита Вакха въ божественномъ бѣгѣ коснется земли, подъ ея ногами родятся цвѣты и плоды; скала подъ ударомъ вакхическаго тирса даетъ воду и вино, а земля, тронутая концами пальцевъ, струится молокомъ; съ тирсовъ каплетъ медь, съ полей поднимается ойміамъ . . .

Любимое мѣсто веселаго бѣга Діониса со свитой — горы, лакомство — сырое мясо, музыка — бубень и флейта. Если представленіе о тіасѣ складывалось по бытовымъ картинамъ вакхическихъ праздниковъ и оргій, то участникамъ, какъ разъ наоборотъ, самые праздники казались, конечно, лишь слабымъ отраженіемъ веселья небожителей.

Но рой Діониса имѣлъ и другое бытовое прикрѣпленіе. Тіасами назывались религіозныя братства, которыя внѣ официальной религіи, широко и быстро распространились въ Малой Азіи, Греціи и Италіи: въ тіасъ входили и женщины, и вольноотпущенные, даже рабы *).

Діонисъ, уравнивавшій грека и варвара, раба съ рабовладкой, женщину съ мужчиной, сталъ, конечно, настоящимъ царемъ тіасовъ.

*) A. Rapp. Die Bez. d. Dionysosk. z. Thr., 17.

Въ схематической картинѣ дружины Вакха, которая прошла сейчасъ передъ нами, мы встрѣтили и Праздничный шумъ, и Опьяненіе, и Нѣжную мелодію, и веселыхъ сатировъ, и Миръ, и все это изобиліе природныхъ силъ — откуда же взялись они? Какая среда взростила этихъ веселыхъ и мирныхъ дѣтей Діониса? Они пришли, конечно, не изъ пророческой пещеры Парнасса, и не съ Гемуса, и не съ Киѳерона.

Они говорятъ о какомъ-то другомъ Діонисѣ, или, по край- Діонисъ-освободитель. ней мѣрѣ, смягченномъ, „подавшемся“ еракійцѣ; богъ „мира“ не можетъ требовать, чтобы мать разорвала своего сына. Да, былъ и другой Діонисъ: его звали Лисій (разрѣшитель) и Элевтерей*) (освободитель), и его главный культъ былъ въ Атикѣ; на Наксосѣ же, въ Коринѣ и въ Сикіонѣ **) онъ чтился рядомъ съ Діонисомъ Вакхическимъ (который, по словамъ Геродота, „заставляетъ бѣсноваться“ ***). Эракійскій богъ долженъ былъ войти со своимъ культомъ въ Атику со стороны Бэотіи, чрезъ пограничные демы, и мы имѣемъ рассказъ объ этомъ перенесеніи и смягченіи вакхическаго культа. Легенда рисуетъ намъ Виноградная легенда. радушный пріемъ, который сдѣлалъ Діонису царь Икарій. Онъ угостилъ и бога, и его дружину, а Діонисъ за это далъ ему вина, посовѣтовавъ только хорошенько его припрятать. Но какъ ни пряталъ гостепріимный царь драгоценный подарокъ бога, пастухи открыли это новое лакомство, перепились и убили Икарія, а потомъ скрыли тѣло въ ямѣ, забросавъ его камнями. И вотъ дочь Икарія, Эригона, идетъ искать отца; когда, при помощи вѣрной собаки Майры, она нашла, наконецъ, его могилу, то съ горя тутъ-же повѣсилась на деревѣ; но Діонисъ *сжался* и всѣхъ троихъ взялъ на небо: и Икарій, и Эригона, и Майра стали звѣздами. За то смерть Эригоны вы-

*) Аттический демъ былъ названъ по его имени, а не наоборотъ.

**) Раув. II, 2, 6. 7, 6.

***) Нер. IV, 79.

звала массу подражаній (месть Діониса) — одна за другой стали вѣшаться мѣстныя дѣвушки, и только искупительныя жертвы прекратили наконецъ эту страшную болѣзнь.

Легенда иллюстрируетъ намъ аѳинскій праздникъ „качелей“ (Айора) и обрядовое украшеніе дерева качающимися куколками*). Въ качаньѣ ученые хотятъ видѣть символическое „очищеніе воздухомъ“, но насъ болѣе интересуеетъ въ легендѣ ея чисто мѣстная, чуждая Фракіи, черта: *боязнь чистаго вина*, которое надѣлало столько бѣдъ. Дѣйствительно, Діонисъ Лисій освятилъ послѣ этого для Аттики не Фракійское, а разбавленное вино. Отъ легенды вѣдетъ чѣмъ то ужъ совсѣмъ не фракійскимъ: это скорѣе мирный ботаническій мифъ.

Убитый и забросанный камнями Икарій не виноградъ ли это подъ прессомъ, а его дочь „рано рожденная“ — Эригона не новая-ли это ягодка, которая повисла на сучкѣ лозы, когда старый, провяленный и выжатый виноградъ уже далъ свой перебродившій и пьяный сокъ: пастухи выпили *одно* вино и тогда убили Икарію, т. е. стали готовить *другое*. А эта эпидемія самоубійства, эти дѣвушки, которыя одна за другой вѣшаются на деревьяхъ, развѣ это не олицетвореніе винограднака, гдѣ лозы обвѣсились новымъ виноградомъ?

Аттическія
Діонисіи.

Праздники въ Икаріи издавна носили наивно-веселый характеръ; хотя это были первыя аттическія Діонисіи, но грубая оболочка уже прикрывала въ нихъ зерна высокой культуры. Здѣсь именно запѣвало трагическаго хора былъ обращень Тесписомъ въ перваго трагическаго актера**), причеиъ его подвижныя подмостки положили начало аѳинской сценѣ и съ ней европейскому театру, а около 50-й олимпіады въ

*) Римское *oscilla* (ср. дельфійскій праздникъ «Харилы» съ подобной же легендой); *Dar. et Saggio s. v. Aiora*.

**) Около 60-й олимпіады (536) изъ Икаріи сцена переносится въ Аѳины.

Аттику былъ перенесенъ Мегарскій фарсъ — зерно комедіи. Аттическія празднества въ честь Діониса, такъ и назывались „посвященными богу вина“ (Тэойніи). Нѣкоторыя изъ этихъ празднествъ (они разошлись по всей Аттикѣ) напр., въ новомъ Перикловомъ городѣ — Пиреѣ, долго соперничали съ Аѣинскими, и еще Эврипидъ ставилъ на нихъ новыя драмы.

Самой ранней весной (февраль — мартъ) на Цвѣточныхъ Діонисіяхъ (Антестеріяхъ) въ первые два дня центромъ праздника было именно новое вино, которое къ этому времени только что перебродило. Первый день такъ и назывался „раскупорка бочекъ“, а второй „кружки“. Въ первый день въ Аѣинахъ шелъ сплошной пиръ. Цвѣты украшали сосуды, рабъ дѣлилъ трапезу господъ, дѣтямъ дарили игрушки; на другой день ходили по городу ряженые, и устраивались, между прочимъ, интересныя состязанія, кто кого перепьетъ *): пили поодинокѣ, молча, серьезно, и перепившій конкурентовъ получалъ отъ архонта плющевый вѣнокъ и мѣхъ съ виномъ.

Діонисовскія Ленеи сопровождали выжиманіе изъ винограда сока (леносъ значитъ прессъ *).

Осеннимъ праздникомъ Осхофорій открывался новый сборъ винограда, и въ его красивыхъ процессіяхъ носили разубранныя гроздьями вѣтки.

Вообще надо замѣтить, что аѣинскія Діонисіи не знали лиризма и недосказанности еракійскихъ оргій, и всегда отличались яркимъ драматизмомъ. Причудливо разнообразныя, онѣ принимали то блестящій и торжественный видъ, то, наоборотъ, шуточный, игривый. Въ роскошной помпѣ переносили на городскихъ Діонисіяхъ (въ мартѣ) статую бога изъ храма, что на болотѣ въ другое святилище у Академіи **). Тутъ былъ весь городъ, масса союзниковъ, жрецы, всадники, чиновники, гражд-

*) Но прозвище менадъ — *лены* значитъ *раздирающія*?

***) Paus. I, 29.

дане, эфебы. Избранныя дѣвушки въ золотыхъ корзинахъ несли „начатки плодовъ“, стаями гнали животныхъ, которыхъ городъ опредѣлилъ на жертву богу. Пріѣзжіе торжественно несли дары, и золото ярко горѣло на весеннемъ солнцѣ.

Какъ рѣзко отличалась эта горделивая и пышная pompa отъ шуточного хожденія по надутымъ мѣшкамъ, смазаннымъ масломъ, или „шутокъ съ повозки“, или фаллофорій на сельскихъ праздникахъ: здѣсь процессія была уже совсѣмъ не та: несли сосуды съ виномъ, фиги и яблоки корзинами и вели на жертву козла, и при этомъ участники церемоніи обмѣнивались съ зрителями шутками, гдѣ аттическое остроуміе блестѣло, вѣроятно, не менѣе ярко, чѣмъ въ рѣчахъ софистовъ.

Картина Аѳинскихъ Діонисій была бы однако не вѣрна, если бы мы придали ей однотонный характеръ веселья и гордаго торжества.

Какъ часть религіозной жизни, праздникъ всегда заключаетъ въ себѣ вопросъ, обращенный къ будущему, просьбу къ божеству. Въ основѣ религіи лежала тайна, и тревожная мысль часто проглядывала черезъ пышность Діонисій, слышалась въ оглашавшемъ ихъ смѣхѣ. Мысль направлялась въ будущее: каковъ будетъ урожай винограда, что принесетъ съ собой весна?

Во второй и третій день Антестерій аѳиняне вспоминали усопшихъ: это были черные, запретные дни; храмы запирались, прекращали жертвы Олимпійцамъ.

Пиръ дня „кружекъ“ завершался посвященіемъ вина и цвѣтовъ мертвымъ, а на завтра имъ же приносилась въ „горшкахъ“ (такъ назывался и самый день) смѣсь изъ всевозможныхъ вареныхъ овощей. У земли просили плодородія, ублажая ея обитателей.

Обрядъ мистическаго брака царицы (жены второго архонта) съ Діонисомъ, скрытый отъ всѣхъ глазъ въ глубинѣ святилища, былъ тоже символомъ мольбы бесплодной Аттики о „зачатіи“.

Не даромъ же Діонисъ есть богъ плодородія, и быкъ самый распространенный изъ его символовъ, а Фаленъ — неразлучный спутникъ.

Изъ этого бѣглаго наброска аттическихъ праздниковъ, мнѣ кажется, уже ясно, что Діонисъ Лисій долженъ былъ имѣть въ Атикѣ мѣстнаго собрата. Въ этой роли, дѣйствительно, является Дендритъ, котораго никогда не чтили ни на Гемѣ, ни на Олимпѣ, и къ нему-то обращалъ Пиндаръ свою поэтическую мольбу „умножить плоды, священную красу осени“ (frgm. 118). Дендритъ былъ не горный, а полевой житель; покровитель не охотничьей, а сельской жизни и мирнаго процвѣтанія, и чтили его мужчины, а не женщины.

Культъ растительныхъ божествъ обыкновенно отливается въ драматическія формы *), и, потому Дендритъ, конечно, содѣйствовалъ появленію въ Атикѣ первой сцены. Но элементы трагедіи принадлежать не ему, а Діонису внѣшнему, занесенному въ Атику, и мы уже видѣли, что если миѣны оракійскаго бога возбуждаютъ только ужасъ, то, сдѣлавшись на аттической почвѣ Лисіемъ, Элевтереемъ (освободителемъ), богъ вноситъ въ легенду и высокія черты состраданія (въ легендѣ объ Эригонѣ), а не эти ли двѣ страсти, ужасъ и состраданіе, составляютъ основу трагическаго паѳоса?

Какъ хтоническое божество, исконный „духъ земли“ и „богъ мертвыхъ“, сынъ Семелы въ Оивахъ, Персефоны на Критѣ, Діонисъ не могъ остаться чуждымъ и тайному культу „богинь“, особенно въ Атикѣ, этомъ узлѣ, гдѣ сходились всѣ нити греческой жизни.

Помимо мистической стороны, его вліяніе сказалось, конечно, и на самомъ драматизмѣ священныхъ зрѣлищъ.

Въ центрѣ Элевсинскихъ мистерій стояла блистательная

*) Mannhardt, Antike Wald- und Feld-Kulte. 1877, цит. у. А. Rapp'a. Die Beziehung. d. Dion. z. Thr., 12—13.

Мистеріи и
Діонисъ-
мистъ.

жреческая драма, на почвѣ легенды о похищеніи Персефоны: мисты украшали себя цвѣтами, а мѣдные инструменты заглушали вопли уносимой жрицы, игравшей Персефону.

Посвященіе въ мистеріи было обставлено эффектомъ и тайной: оно совершалось ночью въ невѣдомыхъ переходахъ храма, и душу посвящаемого подвергали при этомъ цѣлому ряду испытаній: ее то удивляли, то ужасали, то наполняли восторгомъ; тутъ были и рѣзкіе переходы отъ мрака къ ослѣпительному свѣту, и гроза, и чудовища, и священные лицедѣи-жрецы всѣ въ пурпурѣ, увѣнчанные зеленью мирта, и неожиданно представляющія взору статуи боговъ, — намеки на блаженный удѣлъ мистовъ за гробомъ. Но серьезная и высокая сторона мистерій заключалась не въ эффектахъ, а въ стремленіи „очистить“ душу человѣка. Для этого всѣ душевныя силы миста: и мысль, и фантазія, и чувство должны были сосредоточиться на исконной тайнѣ жизни и природы.

Легенда о „богиняхъ“ *) была для этого хорошей почвой. Созерцая построенную изъ нея простую и поучительную драму, участвуя въ ея исполненіи, мисты въ теченіе нѣсколькихъ ночей сряду созерцали эту необычную жизнь боговъ, гдѣ смѣна мрака и свѣта, горя и радости, замиранія и возрожденія совершается такъ гармонично и такъ неизбежно. Мистическая обстановка, искусная смѣна эмблемъ настраивала мистовъ на серьезный тонъ: они въ благоговѣйномъ молчаніи созерцали въ рукахъ жреца простой колосъ, и для нихъ это былъ не тотъ колосъ, который они топчутъ въ поляхъ, а символъ извѣчной смѣны жизни — смертью, смерти — возрожденьемъ **); самыя непристойныя эмблемы во время мистерій принимались совсѣмъ иначе, конечно, чѣмъ на сельскихъ помпахъ въ честь символа плодородія.

*) Нумп. Ном., IV.

***) Н. И. Новосадскій. Элевс. мист., 1887, 133.

Роль Діониса въ элевсинскихъ мистеріяхъ мало выяснена. У Эврипида (Vasch. 725) онъ смѣшивается съ загадочнымъ Якхомъ, а Якхъ въ мистеріяхъ представлялся сыномъ Зевса и Деметры, и, кажется, ребенкомъ; по крайней мѣрѣ, въ священной процессіи изъ Аѳинъ въ Элевсисъ везли и несли на ослахъ его дѣтскія игрушки: мячъ, волчекъ, игральныя кости *).

Хотя для Эврипида Діонисъ былъ не только оракійскій и аѳинскій, но и элевсинскій богъ — мистъ, но оргіи его вакханокъ переносятъ въ обстановку совершенно чуждую элевсинскимъ драмамъ: на легендарномъ Киѳеронѣ или Парнасѣ экстазъ захватывалъ человѣка, чтобъ исполнить его *вдохновенія* и сблизить съ богомъ; въ Элевсисѣ, наоборотъ, въ средѣ, насыщенной символами, охраняемой гордыми и властными жрецами, мысль и фантазія человѣка *воспитывались*, ихъ вели по заранѣе намѣченному пути.

Легендарный образъ Діониса былъ бы неполонъ, если бы мы обошли молчаніемъ еще одну его разновидность, Діониса Лидійскаго — Бассаревса. Это — изнѣженный, женоподобный богъ; на головѣ онъ носитъ мягкую женскую митру, на тѣлѣ длинное платье женщины. Такая наружность не мѣшаетъ ему однако быть завоевателемъ, а лидійцамъ ежегодно праздновать на Тмолѣ его торжественное возвращеніе изъ похода **). У Эврипида Діонисъ приходитъ именно изъ Лидіи, „съ цвѣтущаго Тмола“; оттуда же ведетъ онъ и своихъ поклонницъ, съ которыми побывалъ уже въ Мидіи, и въ Бактріи, и въ Аравіи.

Лидійскій
Діонисъ.

*) Н. И. Новосадскій. Элевс. мист., 119.

***) Dar. et. Sagl. Dict. d. ant. gr. etc. s. v. Bacchus.

Всемирный
Діонисъ.

Но грекамъ было мало острововъ и сосѣднихъ съ ними побережій—азіатскаго и европейскаго, они хотѣли видѣть своего Діониса повсюду: въ Египтѣ имъ сталъ въ глазахъ грека Озирисъ, въ Ливіи его представлялъ Бааль-Хаммонъ, у арабовъ — Уроталь, въ Сиріи — Мелькартъ, въ Ассиріи — Сардананаль *).

Діонисъ и
Агни-Сома.

О связи своего бога съ Агни-Сомой греки не знали, хотя и праздновали черезъ каждые два года возвращеніе Діониса изъ Индійскаго похода. Но параллель между двумя божествами очень интересна.

Сома, также какъ Діонисъ, былъ заключенъ въ бедра отца, бога молній; онъ былъ вырванъ изъ пламени, возведенъ на небо и прослылъ рожденнымъ „подъ двумя видами“ (Диссотокъ — Двиджанманъ), Діонисъ иногда отождествляется съ виномъ, напр. у Эврипида.

Когда-жъ самъ богъ, богамъ онъ отдается

На возліяніе, по милости его

Со всѣхъ концовъ, идетъ обилье къ людямъ. (Вакх., 313 — 315, по переводу).

Сома неразрывенъ со спиртуозной жидкостью, которая тщательно готовится изъ мѣтнаго укуснаго растенія (*asclepias acida*), онъ не перестаетъ быть олицетвореніемъ напитка. Діонисъ — горный богъ, Агни-Сома тоже называется „стоящимъ на горѣ“; и кромѣ того, оба зовутся быками **). Къ сожалѣнію, нити родства этихъ двухъ боговъ затеряны.

Въ общемъ же мнѣ объ Агни-Соме намъ гораздо понятнѣе, чѣмъ легенда Діониса. Сома уходитъ корнями въ среду гимновъ Ригъ Веды, т. е. безусловнаго господства семейныхъ началъ и въ обществѣ, и въ религіи; жертва родовымъ богамъ

*) D. et. S. s. v. 599.

**) Ibid. 592, A. Maury Rel. d. l. gr. ant. T. I, 118—122.

была у арийцевъ главнымъ устоемъ жизни. И вотъ, чтобы пламя костра горѣло ярче, а молитва была угоднѣе богу, жертвенный огонь орошаютъ перебродившимъ сокомъ асклеіады — сомой. Позже таинственное единеніе огня и влаги вызвало въ созерцательномъ умѣ Индуса не столько *образъ*, сколько *идею* бога Агни-Сома. Но легенды о Діонисѣ и его культъ не носятъ слѣдовъ смѣшенія огня съ влагой. Если изученіе открываетъ въ немъ теплое, влажное начало, эмблему плодородія, то эпитетъ „рожденнаго въ огнѣ“ напоминаетъ, кажется, болѣе о факелахъ въ ночныхъ оргіяхъ, чѣмъ о пламени жертвеннаго костра, а корни Діониса уходятъ, какъ мы видѣли, въ земныя нѣдра.

Едва ли можно искать слѣдовъ родства Діониса съ Сомой, и разбирая имя Зевсова сына. Корни слова Діонисъ, вѣроятно, навсегда затеряны *).

Загадочные звуки имени, изъ которыхъ древнему греку Имена бога. были ясны только три первыхъ *Діо*, заставляли его видѣть въ концѣ слова родину бога и усѣять этими Нисами весь міръ.

Если старѣйшая Ниса лежала въ легендарной Фракіи, въ расщелинахъ Геликона, то потомъ ее искали и въ Геллеспонтской Фракіи, и на Эвбеѣ, и на Наксосѣ, въ Каріи, Писидіи, Каппадокіи, Аравіи, Палестинѣ, Индіи **).

Новѣйшіе изслѣдователи пошли еще дальше. Такъ, Веклейнъ хочетъ видѣть ее въ небесномъ просторѣ. Для него Діонисъ это благотворный дождь — гій, его мать гія — туча, а кормилицы — гіады — облачныя (Pheres. въ Etym. M. s. v. Ἰγης; Weckl. Vasch. Einl., 2). Второе имя бога Вакхъ — Бакхось,

*) Дуи-ни-уа — день и ночь, небо и земля (Максъ Миллеръ, Теодоръ Бенфей). Διό-στυος — сынъ Зевса (Савельсбергъ), Διό-νιος — Зевсъ съ Нисы (Преллеръ, Ленорманъ). Dapnishi — судья народовъ (съ сѣверовавилонскаго — Гоммель.) См. Nägelsbach. Homer. Theologie III Aufl. v. G. Autenrieth., 1884 Anh. 89—418; cf. Voigt. у W. Rosch. A. Lex. s. v.; Dar. et Sagl. s. v.

***) D. et. S., 593.

вѣроятно, ерако-фригійскаго начала *); оно употреблялось у грековъ въ смыслѣ „вдохновенный, одержимый“. Самое слово „вакхъ“ глубже проникло въ жизнь и дало тамъ ростки въ видѣ разныхъ производныхъ (глаголовъ, прилагательныхъ); ему же суждено было перейти и къ римлянамъ, чтобы потомъ стать единственнымъ наименованіемъ Діониса у романскихъ народовъ.

Женеподоб-
ный образъ
Діониса.

Когда передъ нами проходитъ вереница мраморныхъ, накрашенныхъ, воспѣтыхъ Діонисовъ, то прежде всего насъ поражаетъ въ этомъ легендарномъ образѣ одна особенность — частое смѣшеніе мужскихъ чертъ съ женскими.

Даже прозвище для изнѣженныхъ и женеподобныхъ мужчинъ передѣлывали изъ главнаго имени бога *διονύς* (Hesych. s. v.).

Одинъ французскій ученый причудливо назвалъ Діониса „мужскимъ лицетвореніемъ женскаго начала“ **).

Но едва ли нужно искать объясненія характерныхъ чертъ Діониса особенно далеко и теряться въ произвольныхъ и мистическихъ предположеніяхъ объ огнѣ, какъ началѣ мужскомъ, и водѣ, какъ началѣ женскомъ; я думаю, что главная причина женскаго вліянія на типъ Діониса лежитъ въ постоянномъ содѣствѣ Діонисова культа съ культами богинь. Во Фракіи рядомъ съ нимъ чтилась Котиттѣ — мѣстная Артемида, которая пополняла своими амазонками ряды его мѣнадъ; фригійская Кибела дала ему музыку литавровъ и тимпановъ и мистеріи; культъ элевсинскихъ богинь усилилъ символизмъ и таинственный элементъ его служенія; отчего-же не могли перенестись и на самого бога черты божественнаго женскаго образа? Не забудемъ при этомъ, что искусство питалось мифомъ и служило культу, и что въ легендахъ нельзя искать ни единства, ни послѣдовательности, ни вкуса.

*) Родство съ Βαχάϊος (D. et S. 592) весьма вѣроятно.

**) Guignault. Relig. de l'antiqu. T. III, p. 933; Dar. et S. 616 s. v.

Древнѣйшими и самыми наивными попытками изобразить Діониса были, кажется, идолы Дендрита: къ деревянному обрубку, прикрытому одеждой, придѣлывалась маска бога, густо выкрашенная въ красное *); а на праздникахъ идолы разубирались виноградной зеленью или плющемъ. Эти первые шаги искусства были освящены культомъ. Но само искусство пошло дальше, и въ изображеніяхъ Діониса выработались два рѣзко различныхъ типа: старѣйшій типъ—бородатаго Діониса и новый, Праксителевскій—юнаго. Между ними стоитъ Лидійскій—бородатый богъ съ мягкими контурами жирнаго тѣла.

Діонисъ въ искусствѣ.

Діонисъ Погонитъ (бородатый) былъ неизмѣннымъ типомъ черно-фигурной живописи, а въ скульптурѣ онъ отмѣченъ геніемъ Алькамена. Этотъ артистъ далъ для Ленэйскаго храма въ Афинахъ художественную статую бога изъ слоновой кости: это былъ Діонисъ Эврихайтъ; роскошные густые волосы падали ему на плечи, торсъ былъ обнаженъ, а голова убрана зеленью винограда.

Діонисъ Праксителя былъ безбородый и прекрасный юноша (въ родѣ представленнаго въ гимнѣ о тирренскихъ пиратахъ); изяществомъ линій онъ быстро подчинилъ себѣ скульптурнаго Діониса и въ Греціи, и у Этрусковъ, и въ Римѣ; живопись держалась дольше за старый типъ, и только съ конца 4-го вѣка на крашенныхъ сосудахъ начинаетъ появляться юный, безбородый Діонисъ.

Поэзія золотого вѣка римлянъ знаетъ только одного Праксителевскаго Діониса.

Tibi inconsumpta juventa est,
Tu puer aeternus, tu formosissimus alto
Conspiceris coelo.

(Ovid. Metam. IV, 17 sqq.)

*) Ссылки у D. et. S. s. v. 626.

Поэтическая характеристика нравственного облика Діониса не входитъ въ задачи этой главы. Я скажу объ ней въ концѣ книги, при разборѣ „Вакханокъ“, а этихъ страницъ читателю, вѣроятно, достаточно, чтобы разобраться въ мифологической сторонѣ трагедіи.
